

Ностальгия по БДТ

Давид ЗОЛТНИЦКИЙ

Когда-то, неправдоподобно давно, цвел в городе на Неве (а точнее, на Фонтанке) один довольно Большой драматический театр. Помнится мне день Актерского сорокалетия Н.Ф. Моисеева. Осень 1938-го. После сыгранного "Разлома" (Монахов — Артем Годун) — чествование перед открытием занавесом. С.С. Мокульский вручает юбилару его еще не вышедшую в продажу книгу — сигнальный экземпляр мемуаров "Повесть о жизни".

Оттуда и пошло

Спустя годы заявился в тот театр Г.А. Товстогов и сделал его действительно очень Большим. Афиша стала спектаклями и мастерами. Иных уж нет. Ушедшие мастера пишут воспоминания.

Давно ушел и Товстогов. Говорят, театр продолжает преуспевать. Получает престижные премии. Но прошлое теснит.

Натиск самораскрытий

Одна за другой выходят книги о минувшем. На их страницах отблеск событий, ответы лиц.

Понятно, никто не сговаривался выпускать эти книги залпом. Но так получилось. БДТ опять заговорил о себе крупным каллимом. И что любопытно — не одна только сцена роднит сочинителей.

Олег Борисов и Евгений Лебедев, Владимир Рецеттер и Сергей Юрский — это все заправские литераторы. Люди мысли, повелители слова. Об одних мы это знали давно, о некоторых только узнаем.

У Лебедева вообще — один томик прозы. Полчища написано им, остальное — о нем, и это уже чистые мемуары. "Великий лицедей" (М. Центрполиграф, 2002). Название дала составительница Е.С.Алексеева, и оно справедливо.

Лебедев был мастер перевоплощений: преображался неузнаваемо — от лично товарища Кобы ("Из искры..." в Ленинградском Ленкоме) и старика Бессеманова в горьковских "Мещанах" БДТ до блестяще сыгранного толстовского Холстомера, за что его ценил Товстогов и обожал зал.

Порой актер тянул одеяло на себя, но кто тут без греха! Зато произносимое слово, переливающееся оттенками мысли, доходило до зала безотказно. Проза Лебедева многих тут признавала. Читателя подкупает смена авторских интонаций, идущих от души.

И особенно там, где речь — о жизни сцены.

Дневник по крупному счету

Глубок, серьезен Олег Борисов в дневнике последних двадцати лет жизни (1974—1994). Его заметки для памяти — отчет перед собой заутраченным. Название ничуть незанято: "Без знаков препинания" (М. АСТ, 2002). Тем больше книга привлекает. Как говорили в старину, — располагает к себе.

Большой драматический,

естественно, метит главные рубежи пройденного. Много нелюбимого сказано о жизни, пройтой автором: актерам на сцене и за кулисами БДТ, о близких и дальних контактах с людьми театра, о собственных, порой надрывных исканиях по ходу репетиций, а попутно — и о сделанных находках. Свободно вторгаются странички о том, что предшествовало приходу в БДТ: о школе-студии МХАТ, о киевской русской сцене, о пробах в Москве. Время идет, и дневниковые образы-сюжеты становятся все более четкими.

И вот — БДТ. При очевидном преклонении перед Товстоговым неоднозначны его оценки. Мотивированы хвалы воспринятому от него, но не все предположения режиссера сходятся со вкусами актера. Душевные затраты в событийной работе над "Кроткой" по Достоевскому под руководством Льва Додина переполняют и рассказ о ней. То была памятная победа Борисова в БДТ.

Но и уход оттуда не стал спасительным для актера. Возобновление той же "Кроткой" с тем же режиссером стало едва ли не главным результатом прихода во МХАТ.

Книга жизни Олега Борисова полна острого драматизма. Тайное тайных приоткрывается изнутри, словно бы само собой — по ходу попыток автора разобраться в сложности собственной судьбы.

2 Чашикс 2

Все никак не могут поладить два Чацких из нашумевшей когда-то товстоговской постановки "Горяч

ума" — участники премьеры Сергей Юрский и пришедший потом Владимир Рецеттер.

Да ведь и не первый раз касаются оба наболевшего. Рецеттер, положим, выговорился об этом сравнительно недавно в книге "Процай, БДТ". Сейчас, в книге с неожиданным названием "Ностальгия по Японию" (М. Вагриус, 2001) он даже делает вид, будто ничего и не было, и вскользь рассказывает, что на пляже в Сочи Сережа Юрский "как Чацкий Чацкому объяснял мне один из дьявольских законов театра..." (с. 16).

Что-то в том же роде Юрский объясняет и в своей книге "Игра в жизни" (М. Вагриус, 2002). Она, эта книга, полна саркастических признаний. Меньше других автор озабочен политиком. Оказывается, для него "БДТ был театром типа Ватикана" (с.212), где роль Папы исполнял, естественно, Товстогов. Ввод на роль Чацкого второго исполнителя первый Чацкий расценивал и расценивает как отступничество Товстогова. "Монолит рухнул... Спектакль из явления общественно-художественного переменился просто в постановку классической пьесы" (с.245).

Юрский скорбит не о себе. Он содрогается, наблюдая участь спектакля.

Переписка из двух углов — в нее превращаются странички беллетризованных мемуаров двух Чацких.

Нет, с виду все — на тонкой деликатности. Чацкия ведут себя как отъявленные джентльмены (нет нужды приводить цитаты из ими написанного). Спор между собой проходит как частность. А главным в книгах каждого,

при разной мере беллетризации, остается, конечно, никакая не ностальгия и не игра, а нескрываемая тоска по БДТ, а с ней — и законная гордость за достойно прожитую, по-актерски сыгранную жизнь.

Главное — в БДТ. Притом и Япония им далеко небезразлична. Удивительны совпадения в книгах вчерашних Чацких. Один рассказывает о действительной поездке труппы БДТ в Японию, — для него тут сюжетный ход, повод поговорить с ними по душам. Но ведь и другой красочно пишет о Японии, о ее искусстве, находя свое, незаатканное.

Переписка из двух углов обладает прической меткостью. Замеченное в одной книге слышно да рядом подтверждается в другой. Занятия своей непреднамеренностью совпадающие оценки лиц и поступков. При всех личных обидах нет размолок в сказанном о Товстогове, о его мастерстве и диктатуре таланта. Переключаются зарисовки актеров, и не только актеров первого плана.

Если сложить то, что написано и у Юрского, и у Рецеттера, и у Борисова, допустим, о Михаиле Данилове, — получится превосходный портрет отличного актера, "добротного человека из БДТ". Таких примеров немало.

По-писательски щедро в этом плане Рецеттер, скромный к себе. Высокая литературная отдалка многих эпизодов у Юрского, хотя и себя он не оставляет в тени. Сближают обе книги вольная композиция. У каждого — не повесть, а сценарий повествования, монтаж сценарных эпизодов-аттракционов, увиденных глазами недоуменными, восхищенными, наивдавшимися.

Перед нами четыре превосходные книги сегодняшней театральной России.

● Г.Товстогов
● О.Борисов и Е.Лебедев
в спектакле
"Общественное мнение"
● В.Рецеттер
● С.Юрский

